

У Анны погиб муж. Летел с геологами в Приангарье, и что-то там с самолётом случилось. Погибли все: двое пассажиров и он, пилот. Позже Анна услышала: уговорили Петра эти ненормальные двое — будто знали, где им помереть, и очень торопились.

И хотя прошло несколько лет, Анна ждала его. Ей казалось, что муж всего лишь в длительной командировке и что вернётся со дня на день. Она не видела его мёртвого, а только памятник, который показали ей на кладбище, да толпу людей, что стояли у могилы, смутно помнила, однако не верила ни серому камню, ни тому, что под ним может лежать её Пётр. Друзья-лётчики не открыли гроб, не показали ей, что в нём, и потому Анна не верила и ждала.

Каждый год в день гибели мужа Анна приезжала в аэропорт, заказывала в ресторане сухого вина — помянуть. Из одного фужера она медленными глотками тянула вино, другой же, наполненный до краёв, отставляла, смотрела на этот одинокий фужер, многое вспоминая, и видела одобряющую Петину улыбку: «Ну-ну... что же ты? Мокро разводишь...» Потом она выходила слушать мощный утробный рёв самолёта, улетающего в Богучаны, желала ему счастливого полёта и долго смотрела вслед. И только после этого садилась в троллейбус и ехала домой.

Поженились они сразу же, как только Анна окончила институт, а до этого около года дружили. Пётр хотел ребёнка — обязательно девочку, но Анна каждый раз, когда разговор заходил о детях, подтрунивала: нормальные мужики больше о сыне мечтают, он — о дочери...

Анна подумала: был бы ребёночек — может, и прошла бы тоска по мужу, она забылась бы в заботах о нём, а так — пусто в душе, как в бездонном колодеце.

Мимо столика проходили люди. Мужчины заигрывали с одинокой женщиной, не скупились на комплименты, набивались в попутчики, но все они казались Анне на одно лицо. Она просто не замечала их. Она ждала того, кого потеряла однажды: а вдруг всё это неправда и он объявится?

На этот раз Анна увидела его...

Увидела и растерялась: фигурой, походкой и даже оттопыренными ушами незнакомец походил на её Петра. Бывает же такое сходство!..

«Совсем уж с ума схожу, — подумала Анна. — Всё мерещится: он, он...»

Незнакомец покрутил головой — видно, искал, где посвободнее, и... глаза их встретились.

«Господи! — похолодела Анна. — Петя... Живой Петя!» Ей хотелось, чтобы он заметил её и ни за какой другой, кроме её столика, не садился, чтобы заговорил первым, а она бы ответила и за разговорами разглядела: так ли похож, как ей показалось?

Мужчина скользнул по ней отсутствующим взглядом, потом ещё раз и, как бы споткнувшись, посмотрел с удивлением: чего, мол, уставилась? Постоял, раздумывая, подойти или не стоит, улыбнулся и решительно направился к Анне.

«Надо же, — тревожно отметила про себя Анна. — Улыбка почти что Петина. И губы...»

— Свободно? — услышала она глухой, с хрипотцой, незнакомый голос и разочаровалась: у Пети голос мягче, с едва уловимой картавинкой — когда он говорил, то в горле у него что-то соскакивало и тормозило букву «р».

— Пожалуйста, — ответила Анна. — Не занято.

— Ну, я сажусь, да? Вдвоём оно всегда веселее.

Анна пожалала плечами.

— Конечно, веселей, — самоуверенно, с молодецкой игривостью, произнёс мужчина и прочно, будто собирался сидеть до утра, утвердился на стуле. — А этот... что? — кивнул на фужер. — Ушёл? — Да нет, — смутилась Анна, — так... поставила. Если хотите — угощаю.

— Спасибо. Я коньячку закажу.

Он небрежно, ребром ладони, отодвинул фужер с вином в сторону, отчего у Анны шевельнулось в груди ревнивое чувство: «Это же Петин! Разве можно?»

— Давайте знакомиться.

Анна назвала себя, и мужчина протянул через стол свою широкую, как шпаклёвочный мастерок, твёрдую, крепкую руку:

— Михаил я. Варенцов моя фамилия. Комбайнёр.

— Очень приятно. И профессия хорошая.

Теперь Анна смело его рассматривала.

Это был точно сбитый, широкий в кости, крутогрудый человек с большими и очень сильными руками. «Петя слабее был, — отметил Анна. — Хотя... Ну конечно же, этот, наверное, мешки с зерном легко перекидывает. А мой Петя — интеллигент».

В Михаиле ничего не было интеллигентного: грубое, посечённое ветром лицо, острые выпирающие скулы гладко синели после недавнего бритья, тупой раздвоенный подбородок тоже был синим, нос прямой, с горбинкой, чуть сшибленный на сторону. Никакого сходства с покойным мужем Анна в нём не нашла. И лишь глаза—небесно-голубые, бесхитростные, такие же, как у Пети,—притягивали к себе, завораживали, не отпускали, и Анна каждый раз, когда Михаил прямо и открыто смотрел на неё, немела и терялась.

— Нынче я в «гвардейцы» вышел,— хвастливо заявил Михаил.— Да. Может, слышали? Конечно, слышали. Так вот, я пятнадцать тысяч центнеров зерна намолотил по нашей зоне. За шесть лет— первый раз.

— Поздравляю,— сказала Анна.

— А, ерунда!..

«Нет, это не Петя»,— думала Анна, с пятого на десятое слушая Михаила.

Официантка принесла коньяк в тонком графинчике и закуску, поставила всё это на столик и упорхнула за ширму. Михаил взял было рюмку, но раздумал и наполнил фужер коньяком.

— Коньяк из рюмки пьют,— заметила Анна.— Смакуют...

— Этими-то напёрстками?— искренне удивился Михаил.

— Но ведь... коньяк же! А у вас— пол-литра, наверное, быстро опьянеете.

— Я? Опьянею? Ни-ко-гда!— Михаил громко, без всякого стеснения и приличия, будто находился не в ресторане, а у себя в поле, хохотнул и ударил себя кулаком в грудь.— Да я пару «огнетушителей» на спор через горлышко выпивал— и ничего! Ни в одном глазу. А вот мужик у нас один есть, так он ведро пива в полтора роздыха... залпом!.. На спор, конечно. Классно пил, между прочим!

Михаил допил коньяк, съел салат и бифштекс и, закурив, откинулся на спинку стула.

— Но...— он покрутил перед собой указательным пальцем— помаячил и уже заплетающимся языком повёл свою мысль в сторону.

Анна смотрел ему в глаза: зрачки расширились, походили на два направленных на неё дульца, и даже выпитый коньяк не растопил усталости в его глазах.

— Вам надо хорошо выспаться,— посоветовала Анна.— Вид у вас усталый— наверное, мало спите.— Бывает, чего уж там. Да... и не сплю я... Бывает, зашибаю. Но...— помаячил пальцем.— Жатву— ни-ни. Боже избавь. На комбайне нельзя. А потом, бывает, загуляю-ю.

И после, когда Михаил окончательно захмелел и стал болтать что попало, Анна решила оставить его.

Снаружи нарастал, глуша все звуки, самолётный рёв— прибыл Ан-24 из Абакана. Но вскоре

звук ослаб, и тогда вновь со звонкой ясностью вспыхнул окружающий Анну сутолочный шум.

В ресторане появились новые люди, они ступали твёрдо, как будто за время полёта разучились ходить, и оглядывались на занятые столики с выражением досады на лице.

Этот самолёт улетал через несколько минут, и Анна спешила проводить его, потому что тот, который провожала всегда,— на Богучаны— по метеоусловиям отменялся.

— Мне надо идти. Спасибо за компанию.

Анна поднялась и не удержалась— заглянула в усталые Михайловы глаза. «До чего похожи!» Она с трудом оторвала взгляд, замешкалась.

— Больше не пейте,— вырвалось у неё не то, что держала в уме.— Когда придёте в гостиницу и... и после. Дайте слово, что не будете.

— Думаете, пропьюсь? Не. Деньжат не жалко,— Михаил полез в карман и осёкся: на него смотрели осуждающие глаза Анны.— Всё, всё! Не буду,— сказал он и предложил:— Я с вами, ладно? Провожу.

Они вышли и встали у решётчатой ограды, за которой начиналось лётное поле с серебристыми вдали машинами. Даже в темноте, при фонарях, они поблёскивали тусклым серебром. Поле уходило к горизонту и сливалось с тёмным у основания небом, на невидимой взлётной полосе горели сигнальные огни. И снег там был фиолетово-синим, и воздух.

— Сколько ни смотрю туда— каждый раз боюсь: вдруг погаснут? Самолёт пошёл на посадку, а они погасли... Я даже на самолётах не летаю— боюсь. Всё больше поездом. Трусиха такая, ужас!

— Бывает,— поддакнул Михаил, закуривая.— На земле, однако, чаще бьются. В колхозе у нас ско-вырнулся. Понимаете, на ровном месте! Шёл-шёл и в канаву завалился. Шофёра— насмерть.

— Не надо об этом, прошу вас.

Анна представила, какая катастрофа случилась там, в Приангарье, и ей по-настоящему сделалось страшно— внутри всё осело, напряжилось. Инстинктивно она ухватилась за Михайлов рукав и ощутила знакомую мягкость меховой куртки. Анна этого никак не ожидала, тем более ни о чём таком не помышляла; всё в ней разом стонулось и поплыло навстречу этому человеку.

«Что же со мной происходит?»— удивилась Анна, пугаясь даже самой мысли, что Михаил может быть ей так же дорог и понятен, как дорог и понятен покойный теперь Пётр. И всё же хорошо, что он есть на свете— напоминание о Петре.

— Когда сядете за руль, будьте осторожны,— сорвалось у неё с языка.

На морозе хмель у него прошёл, и он много смеялся, бодрясь. Анна постепенно оттаивала от грусти, ей хорошо было с Михаилом, и нежность к нему, пока ещё непонятному, тёплыми волнами подступала к горлу.

— Счастливая семья! — вздохнула Анна. — И жена, и дети. . .

— Ещё бы! — подхватил Михаил. — Супруга у меня — во, что надо! Из райцентра переманил. Агроном! Три года уламывал. . . Скоро сын будет. Да. Может, и дочка. Пускай, дочка даже лучше: первой няньку надо, а потом — ляльку. Верно я говорю? — Да как вам сказать, — замялась Анна. — Дети все одинаковы. И дочка — хорошо, и сын. . . Петя, например, дочку хотел.

— Муж, да?

— Муж, — голос у Анны дрогнул. — Он разбился.

— Да-а, тяжёлый случай. Шофёром был?

— Лётчиком. С геологами летал. Хороший он был человек, ну. . . вроде вас.

— Скажете, тоже, — смутился Михаил. — Куда мне! Я ведь из крестьян. Моё дело — землю пахать, сеять, убирать хлеб. Словом, такое дело. Да и грамотёшка — десятилетка на пару с братухой. В техникум как-то колхоз посылал. На механика. Может, и учился бы, да женился вот. А теперь уж грамота ни к чему мне: зарабатываю побольше инженера.

— А меня Петя жалел — с работы чуть не снял. Хочу, говорит, чтобы нервы в школе не портила, себя берегла. . . Я — учительница, боялась дисквалифицироваться. А он смеётся: проживём, денег хватит! При чём тут деньги, не понимаю. Злиться я стала, и мы поссорились.

— Что не снял — хорошо. Работать — это же удовольствие. И потом же, смотрят на тебя по-другому, ну. . . — Михаил закал, подыскивая нужное сравнение. — Ну, как на хорошего человека, что ли. Вот у нас мужик один: ему ногу отдало, так он, понимаете, от безделья усох весь.

— Бывало, вернётся из полёта, — задумчиво продолжала Анна, вглядываясь в фиолетовую от огня даль, — и что-нибудь обязательно привезёт. То цветы — говорил, северные они, в тундре растут, то оленьи рога — ему подарили их оленеводы. Как-то принёс полрюкзака красивых камней. Запомнила один — лазурит, небесно-прозрачный камень с голубыми прожилками. На Петины глаза похожий. Зачем, спрашиваю, они тебе? А в школу, говорит, отнеси, пускай ребяташки геологию изучают по экспонатам. Ну, что делать — отнесла.

— Повидал свет. Точно. А я, кроме Красноярска, нигде ещё не бывал. Некогда: работа, работа. . .

Михаил отбросил потухшую папиросу, полез карман за новой. Прикурил, сунувшись лицом в освещённые спичкой ладони.

Последний самолёт улетел, и на аэродроме установилась зыбкая тишина. Подул ветер, сверху наплывал мороз, и у Анны заоченели ноги.

— Поздно уже, — сказала Анна. — Ехать надо, добираться долго: живу далеко — на правом берегу Енисея. Пока доедешь — ночь, а мне ещё тетрадки проверить надо.

Анна сняла перчатку, Михаил поймал её холодную руку — сухая шершавая ладонь даже на морозе осталась тёплой, греющей, и Анна про себя отметила: рука и впрямь как в варежке — у Пети тоже были горячие руки.

— Мне пора, — Анна повернулась, чтобы уйти.

Михаил встrepенулся, попросил дождаться и убежал.

Прошло пять-десять минут. Одиночество и мороз угнетали, и Анна пожалела, что отпустила Михаила от себя, с тревогой подумала: что с ней будет завтра?

Появился Михаил, взял Анну за локоть.

— Пойдёмте быстрее, такси ждёт.

Проехали длинный мост через Енисей. В чёрной, не застывающей в зиму воде ломались цветные столбы огня.

— Хорошо в городе, — мечтательно протянул Михаил. — На отдых манит. А всё-таки в деревне лучше. Природ у нас — закачаешься!

— Я вот на родине своей в отпуске был, — подержал разговор таксист. — Хорошо, ничего не скажешь. Живу помаленьку: валяюсь на песочке, рыбку ужу, ем, сплю. . . На вторую-то, понимаешь, неделю затосковал, хоть плачь. И что бы ты думал? Сбежал ведь! Мотанул обратно в город. Вот тебе и деревня. . .

— Чудак! Совсем ничего не делать — и в городе с ума сойдёшь.

— Ну, не скажи. . .

В мужской разговор Анна не вмешивалась. Пригревшись, она закрыла глаза, расслабилась и в лёгкой полудрёме представила себя с мужем. Будто едут они за город, в лес, и Пётр по-приятельски балагурит с шофёром. Говорят больше всего о рыбалке: о том, что хариусы на Амыле ловятся хорошо, что в палатке у костра — одно удовольствие и что отпуск обязательно следует проводить на реке, где-нибудь верховьях Амыла.

Как-то раз ездила с ним и спала в палатке Анна. Однако от такого отдыха отказалась: с вечера, нервничая, отбивалась от комаров, а к утру, не попадая зубом на зуб, дрожала от холода и в довершение ко всему схватила насморк. А Пётр в одних плавках носился по берегу, гогоча от удовольствия, и дождь хлестал его по бронзовой от загара спине.

Но вот они едут домой, влажно шуршит под колёсами такси песок. Пётр весел, бодр, много шутит, нет-нет да и прихвастнёт, и собеседник — молодой шофёр, — покачивая головой, удивляется: «Надо же, а! . . .» Пётр по-мальчишески звонко хохочет, обнимает её, Анну, и целует возле уха, в курчавившийся пушок. Она, дурочка, сердилась на него: посторонний же рядом — неудобно. Пётр не понимал этого. Он ничего, кроме любви, не хотел понимать. . .

— Жена у тебя не больно говорунья, — заметил таксист и подмигнул Михаилу в зеркальце. — Тихо, поди, в квартире, а? Благодать!

Кровь прилила к лицу Анны—будто Пётр полез ползать и горячо дохнул: «Жена-а...»

Михаил не сразу нашёлся что ответить, замешкался, а потом сказал:

— Анна—просто товарищ, хорошая знакомая.
— Все ясно. Везти-то куда вас?—таксист обернулся и понимающе скосил на Михаила хитроватые глаза.

Анна вся напряглась от стыда и обиды. Не поднимая головы, она тихо, бесцветным голосом назвала адрес. Щёки её горели, в горле першило и отдавало в уши неприятным зудом, а в груди, там, где сердце, Анна ощутила щемящую пустоту.

«Ну и пускай думает что хочет. Какое кому до этого дело?»—сказала она сама себе и, уже не таясь, достала из сумочки зеркалаще и губную помаду.

Когда такси подкатило к дому, прямо к подъезду, Анна заволновалась. Одиночество, с которым она всё время справлялась сама, оковало Анну поперёк груди железным обручем: «Вот и всё. И опять одна...»

Она хотела позвать Михаила—пускай зайдёт, побудет часок в её комнате и покурит, чтоб мужским духом попахло; она усадит его напротив, в кресло, сама сядет на диван и будет смотреть на него, смотреть и сравнивать—живого...

Но сказать, что в уме сложила и приберегла для живого, у неё не повернулся язык.

— Прощайте, Михаил,—в горле у Анны остановился воздух и затвердел.—Прощайте...

Она вышла из машины, и в тот же момент, будто привязанный к Анне невидимым поводком, Михаил рванул от себя дверцу, натужно сдвинулся. В его печальных глазах растревоженно прыгали отсветы уличных фонарей. «Точь-в-точь как у Пети в тот последний день»,—вспомнила Анна и пугливо отпрянула: неужели он отгадал её мысль?

Теперь она боялась только одного: чтобы Михаил не настоял на своём и не остался. Но Михаил уже рассчитывался с таксистом.

— Я провожу вас,—пролепетал он.—Провожу. Мало ли что?... Темно. Напугают... Провожу.

...Утром Анна проснулась первой. Словно кто-то грубо ткнул кулаком ей в бок и сказал: «Вставай, грешница!»

В доме напротив жиденько светились несколько зашторенных окон—видно, так и не гасли всю ночь. Изредка со стороны железнодорожной станции ветер доносил короткие, нетерпеливые, постоянно чего-то просящие вскрики маневрушки. В застывшем свете фонарей за окном светился,

переливаясь то голубовато-розовым, то золотисто-чёрным, ночью выпавший снег. Анна глядела на этот очищающий снег и думала: зачем оставила Михаила у себя? Разве можно заменить прошлое чужой жизнью?

Включив настольную лампу под розовым абажуром, Анна присела перед Михаилом на корточки и несколько минут изучала его лицо. Она вглядывалась в каждую морщинку, в каждую чёрточку, будто в этом ей должен открыться какой-то изначальный смысл, тайну которого она всё время пыталась разгадать.

Михаил лежал на спине—крупно, широко, по-деревенски открыто, как спят косари, положив под голову охапку ещё зелёной знойно-душистой травы. Смороённые гудящей истомой, сильные, наработавшиеся за день руки заломлены на затылке, чётко выделяясь на белой подушке естественной кофейной смуглостью. А лицо, подсвеченное розовым светом, казалось отлитым из бронзы—спокойное и мудрое. «А Петя, когда спал, губами чмокал—совсем как маленький».

Чем дольше Анна вглядывалась в его черты лица, тем больше убеждалась: нет, это далеко не Пётр. Ничего похожего в Михаиле она не нашла. И густые неприбранные волосы, и нос, и закрытые припухлыми веками глаза—всё чужое. Анна представила себя той, вчерашней, как бы посмотрела на себя со стороны—и увидела чужие нетерпеливые руки, горящие неуёмней страстью чужие глаза, и ей сделалось страшно и стыдно: как она могла?!

Она с бестолковой поспешностью растолкала Михаила, и пока он вяло, с мужицкой нерасторопностью, одевался, смотрела на него и думала: «Чужие глаза: и цвет не тот, и разрез... У Пети они голубые. Как лазурит. А эти—серые, растерянные, шаловливые».

— Уходите,—холодно приказала она Михаилу и отошла к окну.

Дом напротив зажег одно окно за другим, и улица посветлела. Шёл мягкий снег, казавшийся Анне искусственным. Редкие мохнатые снежинки летели по спирали, беззвучно скребли по стеклу, падали. Одинокий дворник—старый седой человек—размеренно, шаг за шагом, стирал чьи-то ранние, убегающие вдаль следы. Анна дождалась, когда внизу протопает Михаил и его следы затрёт аккуратный дворник, стала собираться на работу. На душе у неё было покойно: только теперь она поняла, что нет у неё Пети и никогда не будет.